

Для Линь Сюэцэ все маленькие зверята были его детёнышами, которых он вырастил «с пелёнок».

А для самих зверят Линь Сюэцэ, в свою очередь, тоже был малышом, которого нужно оберегать и лелеять.

Особенно для У Гуя — он видел, как Линь Сюэцэ рос с самого детства, и всегда считал его своим детёнышем.

Выращивал-выращивал капусту больше десяти лет — и вдруг её взяла да и объела свинья. Причём не кто попало, а тот, кого выбрала сама семья Линь. Какой-то безродный блуждающий дух, ни имени, ни статуса, ни права — ни законного, ни морального.

У Гуй тут же вспыхнул:

— Да у этого призрака наглости — через край! Ладно бы эти гады из семьи Линь по незнанию заключили эту чёртову загробную свадьбу. Но он-то — призрачная тень! Проник сквозь защитные массивы виллы, вошёл в сон нашего малыша — он же должен чувствовать, что ребёнок не обычный человек! И всё равно каждую ночь приходит. Совсем страх потерял.

Маленькая морская зайка тоже встревоженно спросила:

— Сюэцэ... он в снах что-нибудь с тобой делал?

Линь Сюэцэ вспомнил последние ночи. Если не считать вчерашней, раньше... по сути, ничего не происходило.

— Он... сначала просто шёл ко мне издалека, — тихо сказал он. — Так повторялось несколько ночей подряд. И только вчера всё изменилось...

— Изменилось? — задумался У Гуй. — Вчера мы нашли зайку, Хайту приняла человеческий облик. По логике, твоя духовная сила должна была усилиться. Этому призраку, наоборот, должно быть труднее к тебе приблизиться.

Хайту нерешительно предположила:

— Есть ещё вариант... Формально они с Сюэцэ уже муж и муж. Если сила Сюэцэ растёт, то и тот призрак становится сильнее вместе с ним.

— Логично, — кивнул У Гуй. — Наш малыш — Король демонов, ему не страшно даже приближение призрачной тени. Но если эта свадьба ему не по душе — лучше разобраться с этим пораньше.

Он повернулся к Линь Сюэцэ:

— Малыш, сегодня ночью мы все будем спать в твоей комнате. Будем сторожить тебя и посмотрим, что этот призрак вообще собирается делать.

Линь Сюэцэ побледнел.

В памяти всплыл вчерашний поцелуй. Потом — утро, когда он в панике побежал в ванную.

Мысль о том, что У Гуй и Хайту это... увидят, просто ввергла его в ужас.

— Не надо... — он замахал руками. — Правда, не надо.

У Гуй решил, что тот просто переживает за них:

— Не волнуйся! Пусть мы и не самые сильные, но с каким-то несчастным призраком справимся без проблем. Если он посмеет распускать руки — мы ему быстро объясним, где его место!

Обычно У Гуй был мягким, спокойным, добродушным до наивности.

Но сегодня он будто сменил личину — в глазах сверкала ярость, аура была убийственной, словно он мечтал стереть того призрака с лица земли, развеять душу по ветру.

— Малыш, не бойся, — оскалился он. — Хоть мы и вегетарианцы, но при необходимости можем и “мясо попробовать”.

Он даже оскалил зубы, показывая свою «боевую мощь».

— Я думаю... он, вообще-то... не такой уж плохой... — слабо пробормотал Линь Сюэцэ.

Он видел того дядю Сюэ — жирного, хитрого, типичного жадного торговца. И кто бы мог подумать, что его сын окажется совсем другим человеком.

Когда он ещё не знал, кто тот мужчина на самом деле, он казался загадочным, туманным, недостижимым.

А теперь, узнав правду... и вспомнив эту свадьбу, заключённую без его согласия...

Странно, но он не чувствовал сильного отторжения.

— Он всё равно не может причинить мне вред, — тихо сказал Линь Сюэцэ. — Я просто... ещё понаблюдаю.

— Он тебе нравится? — прямо спросил У Гуй.

Они прожили вместе слишком много лет. Линь Сюэцэ ничего не сказал напрямую, но У Гуй всё понял с первого взгляда.

— Я не знаю... — честно ответил Линь Сюэцэ. — Но неприязни нет.

За две жизни он так ни разу и не влюблялся. Он вообще не знал, каково это — любить кого-то.

Он всегда думал, что его привлекают женщины, но за все эти годы сердце ни разу не ёкнуло.

И вот появился этот призрак — и сердце Линь Сюэцэ начало биться как безумное.

Для него самого это ощущение было странным... и удивительно новым.

— Раз он нравится малышу — пока мы его пощадим, — фыркнул У Гуй, нехотя убирая позу готовности «рубить призраков направо и налево».

Линь Сюэцэ облегчённо выдохнул, решив, что на этом всё наконец закончилось.

Но в следующий миг молчавшая до этого маленькая морская зайка вдруг наклонилась к нему и прошептала:

— А вы... до какого этапа уже дошли?

— А? — Линь Сюэцэ на секунду завис, заметив в глазах Хайту откровенно сплетнический блеск. Он колебался, стоит ли отвечать...

Но в следующую же секунду та невозмутимо добила:

— А тело у него какое? Техника хорошая?

— ... — Линь Сюэцэ снова был шокирован её прямоотой. — Мы вообще ни до чего такого не дошли!

— Тогда до чего дошли? — не унималась она. — Я ещё утром, как ты спустился, поняла — что-то не так. Этот призрак... не за нашим ли Королем пришёл, за его сущностной энергией, а?

Говорила она не громко, но У Гуй сидел совсем рядом. А уж у черепашьего духа слух — будь здоров.

Он уже собирался прикрыть глаза и спокойно пить чай, но при слове «сущностная энергия» тут же распахнул веки:

— Энергия? Наш малыш в прошлой жизни не влюблялся, в этой — тоже. В сумме десятки лет одиночества... Если этот призрак практикует тёмное культивирование, вполне может положить глаз на нашего малыша.

Линь Сюэцэ понял, что разговор уходит куда-то совсем не туда, и поспешно вмешался:

— Мы просто... поцеловались! И всё! Ничего больше не было!

— Правда? — скептически прищурилась маленькая морская зайка. — Но у тебя глаза влажные, щёки розовые, словно цветы персика... Это совсем не похоже на «просто чмокнулись и разошлись».

Линь Сюэцэ беспомощно посмотрел на неё.

Вот уж не думал, что у неё ещё и физиогномика в арсенале есть...

— Я... не был готов, — тихо признался он. — Он поцеловал меня внезапно. У меня... была реакция. Но правда, больше ничего не было.

Хайту и У Гуй переглянулись.

То есть... выходит, что инициативу проявлял тот призрак?!

Для них любовь между мужчинами не была чем-то необычным.

В животном мире полно самцов, которые живут парами.

Но они-то были уверены, что их Король Демонов будет «сверху».

А тут вдруг...

Очень может быть, что он окажется «снизу».

— Если он тебя всего лишь поцеловал, а ты уже так реагируешь, значит, наш Сюэцэ просто очень чувствительный тип, — дипломатично «спасла ситуацию» морская зайка.

У Гуй тут же поддержал:

— Сюэцэ восемнадцать лет прожил в семье Линь, а там условия — не жизнь, а издевательство. Вот организм и ослаб, вот и чувствительность повышенная.

Как раз в этот момент повар принёс завтрак и расставил тарелки на столе.

Обычно рацион составлялся диетологом, и У Гуй в это не лез.

Но, увидев молоко и яйца, он вдруг оживился:

— Надо подправить организм. Я сейчас спрошу у специалистов, что лучше всего подойдет в такой ситуации, надо нашего малыша как следует подкормить.

У Гуй тут же увлёкся обсуждением с поваром и, между делом, спросил:

— Малыш, ты больше любишь лёгкое или понасыщеннее?

Линь Сюэцэ уже собирался отказаться от всей этой темы, как вдруг Хайту подкралась сбоку и пододвинула ему телефон.

Он поспешно наклонился к ней, изображая крайнюю занятость, и посмотрел на экран.

Там была куча папок с подписями:

«Китай», «Европа и США», «Япония и Корея»...

— Это... что? — ошарашенно спросил он.

— Моя коллекция, — загадочно улыбнулась она. — Я уже всё отфильтровала. Только мужчины с мужчинами. Все позы, все форматы. Всё в HD, без цензуры.

Линь Сюэцэ: ...

А где же та самая «чистая и невинная девочка»?..

«Ты вообще какого чёрта хранишь столько человеческих видео — и ещё все сплошь про мужчин?!»

Линь Сюэцэ (с видом философского смирения):

— Я, пожалуй... начну с правильного питания...

-----

Близился конец семестра, и студенты начали готовиться к итоговым экзаменам.

Учёба в университете была куда менее напряжённой, чем в старшей школе.

Но для студентов актёрского факультета главным источником давления была не учёба — а будущее.

В большинстве профессий студенты чуть за двадцать — это молодость, энергия, «свежая кровь».

А вот в индустрии развлечений всё иначе: дебютировать в двадцать с лишним — это уже... поздновато.

Как говорится, прославляться надо рано.

И когда ты видишь, как однокурсники по специальности один за другим пробиваются в индустрию, а ты всё ещё «варишься» в стенах университета, давление ощущается колоссальное.

Раньше Линь Сюэцэ тоже этим мучился.

Он — «сбитая лётчица» детская звезда, тот, кого индустрия уже однажды отвергла. Был ли у него вообще шанс вернуться на экран — он не знал.

В те годы, когда он был ребёнком-актёром, он заработал для семьи Линь немало денег.

Каждый крупный гонорар приносил ему хотя бы один редкий «добрый взгляд» от Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин.

Линь Сюэцэ отчаянно хотел вернуться в ту жизнь — снова доказать им свою ценность, снова получить их признание.

Но после пробуждения, получив память прошлой жизни, он полностью отпустил эту привязанность.

Он не хотел возвращаться в семью Линь — а уж их признание и подавно перестало иметь для него какое-либо значение.

Возможно, именно из-за этого внутреннего покоя на экзаменах он выступил просто блестяще.

И по профильным предметам, и по отборочным курсам — везде первое место.

В день публикации результатов он заметил, что многие смотрят на него и перешёптываются.

Но он сделал вид, что ничего не слышит, забрал ведомость и сразу поехал домой.

У Гуй, Хайту и маленькая жемчужинная птичка уже ждали его.

Узнав о его результатах, они обрадовались так, что тут же организовали поездку на круизном лайнере — всей компанией отправились отдыхать, а вернулись домой только через несколько дней, довольные и расслабленные.

Когда они уже поднимались наверх, У Гуй вдруг вспомнил о чём-то и сказал:

— Малыш, завтра сходишь со мной кое-куда.

— Хорошо, — спокойно ответил Линь Сюэцэ. — Мне что-то нужно подготовить?

— Ничего, — отмахнулся У Гуй. — День рождения Линь Гохуа. Заедем — и сразу обратно.

Линь Сюэцэ на секунду замер.

Только сейчас он вспомнил: завтра Линь Гохуа исполняется пятьдесят.

В китайской традиции пятьдесят лет — возраст особый, символический.

К этому юбилею Линь Гохуа готовился ещё с прошлого года: тщательно составлял список гостей, взвешивал каждое приглашение, подбирал людей одного за другим.

И дело было не только в самом празднике.

Гораздо важнее — именно в этот день семья Линь собиралась официально представить миру своего «настоящего» сына, Линь Цинтяня.

А вот для «ложного» наследника, Линь Сюэцэ, подобный момент будет крайне неловким.

Теперь же он уже давно съехал из дома Линь и жил с У Гуем.

Он не ожидал, что Линь Цинтянь лично придёт к ним и вручит приглашение.

В глубине души Линь Сюэцэ не хотел идти.

Но раз У Гуй уже согласился — один раз ненадолго съездить и вернуться не проблема.

На следующий день У Гуй был в боевом настрое, словно шёл не на праздник, а на бой.

И, взяв Линь Сюэцэ с собой, он снова повёл его в дом семьи Линь.